

Одесский Политех, Челябинский Тракторный*Моим друзьям***Поступление в институт**

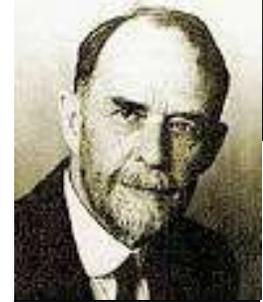
Получив в конце июня 1949 года аттестат зрелости об окончании 10 классов с золотой медалью, я не мог решить, куда подавать документы. Имея право не сдавать вступительные экзамены, я не особенно торопился. Это же относилось к двум моим друзьям-одноклассникам Лёне Ноткину и Толе Крисилу. Школа в те времена давала неплохие знания. Я любил и неплохо знал математику и физику, и даже химию (благодаря нашей талантливой химичке Киле Борисовне). Любил и литературу. Но особенно – историю. Читал много исторической литературы. Считал себя гуманистом. Ещё задолго до окончания школы узнал, что в Москве и Киеве открылись институты международных отношений. А поскольку все одесситы – «пикейные жилеты», я тоже не был исключением. Политикой, международными делами интересовался, можно сказать, с пелёнок. Газеты начал читать с 4-х лет, причём, на украинском. Так вот я мечтал пойти учиться в МИМО или в КИМО. Не зная даже приблизительно, кого они готовят. Я думал – дипломатов. И полагал, что знание истории мне поможет. Да, и с географией я тоже был в ладу. Хоть не могу сказать, что особенно любил. Тем не менее, до сих пор знаю кое-что о природе, климате, населении и экономике многих стран, их положение в мире. В общем, полагаю, что моя подготовка была достаточной, чтобы учиться в таком институте. Когда же приблизилось окончание школы, и я проклюнулся со своими пожеланиями, буквально все, и мама с папой, и родные, и школьные учителя, не впрямую, а намёками, чтобы не травмировать моё комсомольское сознание, давали понять, что институты международных отношений – не для меня. Ты любишь историю, пойдёшь на истфак Одесского университета. И любимым делом займёшься, и ехать никуда не надо. А что, думал я, история – тоже неплохо. Конечно, это не дипломатия, к чему я себя мысленно готовил. Но вполне подходяще. И на том остановились. Но и здесь оказалось – не судьба.

Как известно 1948-1949 годы у нас на родине ознаменовались яростной борьбой с безродными космополитами. Почти все они носили еврейское фамилии. Типа Коган, Абрамович, Гершензон. Начало положил сталинский выкормыш, выродок от науки Лысенко. Первой была загублена биология вместе с генетикой. Лысенко с помощью жульнических подтасовок демонстрировал сверхурожайные морозоустойчивые сорта пшеницы, необычайно плодовитых и молокообильных коров. А страна голодала. Но гений человечества и отец народов ему верил. Процветал Лысенко и при Хрущёве.

Грегор Мендель

Отец генетики, монах Грегор Мендель – чех по национальности. Его последователи – немец Август Вейсман и американец Томас Морган. Все они были преданы научной и политической анафеме, а генетика объявлена лженаукой. Борьба с менделизмом-морганизмом-вейсманизмом в науке была объявлена делом государственной важности. При этом всячески эксплуатировалось якобы еврейское звучание имён этих выдающихся учёных. Потом удару подверглись гуманитарные и точные науки. Всё, что не вписывалось в догмы

Томас Морган

отца народов, обзывалось страшным именем «идеализм и мракобесие» и подлежало выпалыванию. А носители этих «лженаук» - «лжеучёные» подлежали если не физическому, то как минимум, моральному уничтожению, практически без права на работу. Книги этих авторов уничтожались, как в средние века и при Гитлере. Мне повезло. В нашей квартире, на Франца Меринга 75, жил с семьёй профессор мединститута.

Ему, видимо, было жалко бросить книги «идеалистов-генетиков» в печку, и он отнёс их на подоконник в уборную, полагая, что здесь они найдут не менее достойное применение. Ведь в то время в СССР пользовались газетами. А я читал, главным образом, в уборной, благо там сосредоточивались все газеты. И вдруг – неслыханное везение, запретные книги самих Менделя, Моргана и Вейсмана. Я, конечно, боялся притащить их домой и читал их там в отрывках, оставшихся после использования по прямому назначению. Узнал, например, что Томас Морган – наш современник, член академий многих стран, в 1931 году избран почётным членом Академии наук СССР.

Дабы придать этому поистине средневековому мракобесию, этой «охоте на ведьм», хоть какую-то видимость научной дискуссии, бросили лозунг «За чистоту и приоритет русской науки». Дескать, со времён Петра и Екатерины в русскую науку проникли иностранцы, затирали таких русских гениев, как Ломоносов. Замалчивали достижения отечественных учёных и изобретателей. Паровоз, как оказалось, изобрёл не англичанин Стефенсон, а русский умелец Черепанов. Паровую машину – не Джеймс Уатт, опять-таки англичанин, а Ползунов. Закон сохранения массы, до этого называвшийся законом Лавуазье-Ломоносова, стал законом Ломоносова. опыты и открытие атмосферного электричества первым осуществил не американец Бенджамен Франклин, а русский сподвижник Ломоносова с немецкой фамилией Рихман. Тепловой закон Джоуля сперва стал законом Джоуля-Ленца а потом только Ленца, тоже русского учёного с немецкой фамилией. Вольтова дуга переименовалась в дугу Петрова. Радио было изобретено Поповым, а не Маркони. В общем стало предельно ясно, что все выдающиеся изобретения и научные открытия либо сделаны только русскими, либо приоритет за русскими. А народ немедленно отреагировал серией анекдотов. Американец говорит русскому, что ещё 200 лет назад у них был телефон, т.к. при раскопках этого периода нашли телефонные провода. А русский отвечает, а у нас в это время уже был беспроводный телефон, т.к. при раскопках никаких проводов не нашли. Не говоря уже о всемирно известном анекдоте о том, что Россия – родина слонов. Каким сильным оказалось это стремление доказать приоритет русской науки, видно из того, что когда мой сын Сашка сдавал вступительный экзамен по физике в Политех, он получил 4-ку, т.к. не ответил, кто изобрёл 3-хфазный двигатель. А было это через 30 лет, в 1978 году. Ну да, он ведь не учился в моё время, когда нам вдолбили, что его изобрёл русский учёный Доливо-Добровольский. И, честно говоря, мы этим гордились. А трехфазный ток и двигатель всё-таки изобрёл Никола Тесла – серб, живший в США.

Да... в то время, как приближались мои выпускные экзамены на аттестат зрелости, многие учёные, педагоги и специалисты были изгнаны с работы. Истерия охватила искусство и литературу.

Писались похабные статьи, разоблачавшие «примазавшихся к русской науке и культуре безродных космополитов», которым чуждо всё истинно русское. Смаковались подлинные фамилии, скрытые под литературными псевдонимами. На волне этих гонений поднялась всякая нечисть и пострадали очень многие, большей частью, евреи. В такой обстановке крайне затруднился доступ «лиц еврейской национальности» в гуманитарные вузы. Процентная норма в царские времена была ничто по сравнению с описываемой волной сталинско-советского антисемитизма. Начались убийства (Михоэлс) и аресты видных деятелей науки и культуры – евреев с дальнейшим осуждением к расстрелу, длительному заключению, ссылке. Потом было знаменитое липовое дело врачей - «убийц в белых халатах».

Даже я со своим комсомольским запалом понял, что ни университет, ни история мне не светят. И мне стало безразлично, куда подавать документы. Толик Крисолов подал в Институт Связи. Многие мои школьные товарищи подавали в Водный – так в простонародье называли Институт инженеров морского флота. Он считался одним из престижных технических вузов. Как медалист, я должен был подать заявление до начала вступительных экзаменов, т.е. до 1-го августа. И я решил тоже подать в Водный. На самый, как считалось, лучший – судомеханический факультет, хотя мне было абсолютно безразлично. Было это, примерно, в первых числах июля. Ответственный секретарь приёмной комиссии, принимая документы, сказал: «Ого, вы у нас первый золотой медалист, серебряные есть, а золотой – вы первый. Никаких сомнений – вы будете зачислены. Счастливого отдыха...» Я поехал на Ланжерон. И купался почти весь июль, ни о чём не беспокоясь. Числа 25-го на пляже появились мои соученики Вадик Кудашев и Марик Каплан, подавшие в Водный и готовившиеся сдавать вступительные экзамены. Они сказали: «Ты себе тут загораешь, а там тебе отказали в приёме». «Не может быть, - говорю, сам секретарь приёмной комиссии мне сказал, что я первый золотой медалист и никаких сомнений». «Давай, давай, загорай. Смотри, уже конец июля, ты можешь вообще никуда не попасть». Пришлось ехать в институт, хоть я и посмеивался про себя, считая их слова шуткой. Не может же такое произойти. Особенно со мною, таким отличником, таким комсомольцем. Ну и что, что я еврей? Я ведь преданный сын Родины. Я ведь написал выпускное сочинение на тему «С нами Сталин, мы непобедимы». Мне ведь дали золотую медаль и Лёне Ноткину тоже. А про антисемитизм на государственном уровне – это сказки, очередные происки наших врагов, империалистов и сионистов. Даже в правительстве есть евреи, Лазарь Мойсеевич Каганович. Сталинский нарком. Видные писатели Илья Эренбург, Самуил Маршак. Народный артист Марк Рейзен. Дирижёр Большого театра Самуил Самосуд. Скрипачи Давид Ойстрах и Леонид Коган. Пианист Эмиль Гилельс. В Одессе есть улица Кангуна. А Приморский бульвар ещё недавно – до войны – назывался Бульваром Фельдмана. Кстати, его дореволюционное название (Николаевский бульвар) дало повод для также всемирно известного анекдота.

- Извозчик, мне на бульвар Фельдмана. (Дело было в 20-30-е годы. И, как известно, одесситы всегда были приверженцами старых названий улиц).

- А что это за бульвар Фельдмана?

- Ну это же Николаевский бульвар!

- Да? А я не знал, что у Николая была фамилия Фельдман.

Не могу также не отметить, что одесситы называли свои улицы по-старому. Ленина – Ришельевская, Карла Маркса – Екатерининская, Чкалова – Большая Арнаутская, Воровского – Малая Арнаутская, Подбельского – Коблевская, Ак. Павлова – Ольгиевская, Пастера – Херсонская, Мизикевича – Степовая, Карла Либкнехта – Греческая, XX-летия Красной Армии (впоследствии просто Советской Армии) – Преображенская, X-летия Красной Гвардии – Торговая, пер. Маяковского – Малый переулок и т.п. Я был свидетелем, когда ещё были кондукторы в одесских трамваях, как маленький кондуктор в 12-м номере трамвая объявлял году в 48-49-м: «Площадь Кагановича, в скобках Алексеевский Базар».

Однако вернёмся к нашим баранам.

Действительность оказалась такой, какой и должна была быть. Тот же ответственный секретарь, смущаясь от собственной лжи, не глядя на меня, сообщил, что норма для медалистов на судомеханический факультет уже заполнена. Мне могут предложить механизаторский, либо экономический факультеты. Он добавил, что они очень хотят видеть меня в числе своих студентов. Я спросил, а как понимать ваши же слова о том, что я – первый золотой медалист? Он, покраснев, сказал, что он был не в курсе и дал мне ошибочную информацию. И я, продолжая быть советским человеком, у которого «собственная гордость», потребовал вернуть мои документы. «Очень жаль», - сказал он. А я, обиженный не на советскую власть, а на тех, кто на местах извращает её политику равенства и дружбы народов, гордо ушёл, навсегда наказав Институт инженеров морского флота. Лучшие друзья по школе Лёня Ноткин и Олег Щербаков решили подавать в Политехнический – ОПИ. И я к ним присоединился. Уже находясь там и заполняя заявление, мы услышали, что на мехфаке идёт набор в третью группу конструкторов. А ещё там было два отделения: технологи и литейщики. Чем они отличались, мы, понятное дело, не знали. Но окружающие советовали: конструктор – это престижно. И мы подали на конструкторское отделение мехфака ОПИ. И я не пожалел.

Наступило 1 сентября 1949 года

У нас в группе МС-3, что сокращённо означало механик-станочник (почему-то избегали официально называть нас конструкторами, хотя в повседневном обиходе все говорили «конструктора») были выдающиеся личности. В первую очередь мои школьные друзья Лёня Ноткин и Алик (Олег) Щербаков. Особенно выделялись блестящим остроумием Эдик Птичкин, стройный с пышной шевелюрой и видом бывалого военного артиллерист – лейтенант Ефим Глозман, штангист и недавний солдат с повадками еврея-хулигана Ян Штернберг, высокий моряк Лёня Гедмин, чемпион по стометровке и футболист Глеб Добринский, трое ребят из Еревана Саша Колоян, Арарат Геворкян и Спартак Гулян, большой философ Вадик Подзелинский, спортсмен-акробат Дима Анельчик, типичный одессит Талик Перелешин, очень серьёзный Толик Пикман, поэтесса и лучший знаток русского языка и литературы Лена Блохина-Гроховская, наша общая любимица и душа-человек Майка Малкина, и, конечно же, вдохновитель и организатор всех наших дел и проделок Риммуля Иванова. Немного позже к нам пришли Толик Вулихман, чей баритон превзошёл все наши доморощенные голоса, пригодные лишь для хорового пения, а также загадочный Гена Гольдрайх и серьёзно-ироничный Боря Тринчук. Возникает законный вопрос: каким образом при действующем госантисемитизме так много еврейских фамилий оказалось в новом наборе ОПИ? Это, видимо, своеобразное исключение. Дело в том, что еврейские юноши, не попавшие в престижные вузы, каким в Одессе 1949-го года были Водный, Университет и некоторые другие, подавали заявление в те, которые тогда не считались престижными. Именно в этих вузах в эти годы был недобор абитуриентов. Если в «престижных» был конкурс по несколько человек на место, то в таких, как ОПИ – мест было больше, чем претендентов. Таким образом нам повезло. Надо отметить, что продолжалось это не долго, уже в начале 50-х годов все вузы, кроме, по-моему, педина, стали «престижными». Так повелось, что каждую субботу мы собирались у Риммули дома. Папа у неё был – капитан «Победы», и были у них 2 комнаты в коммунальной квартире в Театральном переулке. Там мы танцевали, что-то выпивали и чем-то закусывали. Но, главное, общались. Там рождались идеи, остроумные стенгазеты, журналы, стихи и – крепла наша студенческая дружба, которая жива до сих пор. Хоть многих уже нет с нами. На нашем курсе в группах технологов занимались Витя Жаров, Витя Скалацкий, Ося Коган, Юра Лисай, Валя Беляковский, Сёма Резник, Бэллочка Гоцулер; в группах литейщиков – Юлик Шейнберг, Алик Вайнштейн, Витя Заславский, Эраст Жабо, Лёня Блюхер, Миша Штрайм, Миша Блувштейн. Все они – яркие личности. Когда мы пришли на первую общекурсовую лекцию в 108-ю аудиторию, Юра Лисай, барабаня по столу и надувая щёки, исполнял Чаттануга-чуча из «Серенады Солнечной долины», изображая весь оркестр Глена Миллера. Кому тогда могло прийти в голову, что через 50 лет мы с Юликом и Генрихом будем жить в Лос Анджелесе, составной частью которого является Солнечная Долина – Sun Valley? А

тогда нам было 17-18 лет, мы начинали институтские деньки и под гениальным руководством ленинской партии во главе с вождём и учителем всех народов должны были стать достойными строителями нового невиданного процветающего общества. И как поистине гениально была устроена система, если мы, довольно неглупые и развитые ребята, в большинстве своём свято верили во все догмы, которые нам вбивали, и ели лапшу, которую на уши навешивали нам с детства. А если кто и не очень верил, то боялся в этом признаться даже самому себе. Несмотря на то, что практически каждый был как-то ущемлён в большей или меньшей степени. Верили, учились и строили. И построили. Все знают, что. Повезло тем, кто понял и уехал из страны светлого будущего в другие страны, не претендовавшие быть родиной слонов. Кто понял раньше, тем повезло больше.

Однако описываемое время – время молодости, дружбы и радости, которую ничто не могло омрачить. Ни вечные проблемы с хлебом насущным, с одеждой, ни скудная зарплата. Мы знали, что «Он» и партия думают за нас, и всё будет хорошо, если не завтра и не нам, то в будущем нашим детям и внукам. И мы знали, что скромно, но проживём, не останемся без работы. А как там на так называемом свободном Западе? Как им, бедным, приходится? Постоянная безработица, негров вешают, неслыханная эксплуатация. Кошмар, да и только. И надо помогать им сбросить ярмо империализма. Правда, мирным путём. Ведь мы ещё со времён Ильича за мирное сосуществование. Мирным путём значило втайне вооружать угодные нам режимы (например, арабские типа Насера, Каддафи, Саддама), инспирировать восстания, тратить наши народные средства на подпитку непопулярных компартий. Вводить ограниченные контингенты наших войск в дружественные страны и не очень для оказания братской либо интернациональной помощи. Мирным путём также, и наверно в первую очередь, значило держать самую большую в мире армию, вкладывать самые крупные средства в военную промышленность и науку, иметь самое устрашающее оружие. По сути дела, весь труд нескольких поколений, строивших социализм и коммунизм на одной шестой части планеты, ушёл на создание военного монстра, устрашающего мир под знаменем борьбы за мир. Монстра, съевшего всю экономику страны и оставившего народ без штанов и куска хлеба. Это и был реальный социализм-коммунизм. И никакой свободы и демократии на деле. Но молодость – время больших надежд. И мы надеялись.

Итак, незабываемые институтские годы

К нашему счастью, борьба с космополитизмом, хоть и затронула ОПИ, но оставила нам ещё многих талантливых педагогов. Даже еврейской национальности. Таких, как химик доцент Киневский, физик Розенберг (кстати, дядя Майки Малкиной), металловед доцент Фукс, сопроматчик доцент Аквинсон, теплотехник профессор Рабинович, изобретатель котла, носящего его имя, преподаватель ТММ Хануков, преподаватели деталей машин доцент Радчик и ПТМ доцент Мак, доцент Дашевский - преподавал допуски и технические измерения, доцент, в дальнейшем профессор, Эрлих. Нам особенно повезло: Эрлих читал нам электропривод станков и организацию и экономику производства, которую превратил из скучнейшего набора правил и стандартов в увлекательные рассказы из практики. В сущности, все преподаватели, учившие нас, были высшей квалификации. Это – математик доцент Кравченко (что тоже приятно – дедушка Димки Анельчика), теоремеханик доцент Горбатов, сопроматчик профессор Коробов, ведущая практические занятия по математике старший преподаватель Ловягина, Теория механизмов и машин и детали машин - доцент Заблонский (в дальнейшем, профессор и многолетний ректор ОПИ), и, конечно же, корифей деталей машин, автор классических учебников наш директор профессор Добровольский. О нём – очерк в моей работе «Дорогие мои земляки». Были, конечно, исключения. А где их нет?

Константин Иванович Заблонский

Как и все воспитанники Добровольского, блестящий эрудит и знаток своего предмета. В период нашей учёбы – доцент, зав. кафедрой ТММ. А во время моей работы главным конструктором завода им. Кирова он уже был профессором и ректором нашего ОПИ, оставаясь зав. объединённой кафедрой ТММ и деталей машин. Повезло мне слушать у него полный курс ТММ и

часть курса деталей машин. Он, помимо создания учебников, проводил глубокую исследовательскую работу по зубчатым передачам, будучи первоклассным специалистом. Он заразил своей любовью к зубчатым колёсам многих из нас. Первые наши с Фимой печатные работы относились к зубчатым передачам. А на Радиалке сам Богаковский, главный технолог и большой их знаток, уже в первые годы нашей работы на радиалке говаривал: «А – это по корригированию, надо спросить у Глозмана или Тальянкера». Корригирование – один из способов улучшения качества зубчатого зацепления.

Мы отмечали окончание института каждые пять лет. И, как правило, К.И. приходил в актовый зал, где собирался наш выпуск 1954-го года, чтобы вместе с нами вспомнить былое. В 1985 я присутствовал на его чествовании по поводу 70-летия, зачитывал и вручал от завода им. Кирова памятный адрес.

Лазарь Борисович Эрлих

Это был универсал, необычайный технический эрудит и тоже один из учеников Добровольского. Его тоже не посмели выгнать в процессе борьбы с космополитами. Он заведовал кафедрой технологии машиностроения. Его перевели (во спасение) на кафедру организации и экономики производства. Курс электропривода станков, который мы слушали у него, заложил основы, позволившие нам - механикам - с первых шагов практической деятельности настолько серьёзно разбираться в электрооборудовании и электроавтоматике станков, что мы были активными оппонентами и соратниками разработчиков электрической части. Преподавая «Организацию производства», Л.Б. приучил нас к рациональному планированию собственного труда. Он чётко сформулировал, а мы усвоили истину, что инженер – это не просто конструктор либо технолог. Инженер – это организатор. В первую очередь самого себя. Затем той группы, где он является лидером. Затем того процесса, который он создаёт либо осуществляет. Любое дело, любая проблема, любое решение, в частности, инженерное, требуют максимальной организации. Это – необходимое условие успеха. А организация – это планирование, вовлечение всех участников в активную деятельность. Это – ответственность каждого за решение своей задачи и за срок её выполнения. Это систематический контроль выполнения. Это – конструкторская, технологическая и исполнительская дисциплина. Вместе с тем, Эрлих, как и Заблонский, обладал прекрасным чувством юмора. Помнится, как на студенческой научной конференции Заблонский выступал в качестве оппонента. В шуточной и дружеской форме он не оставил камня на камне от сделанного доклада. После него слово взял Эрлих. Он не стал защищать докладчика, а только сказал, что наш уважаемый Константин Иванович на всё смотрит сквозь призму с эвольвентным профилем (профиль боковой поверхности зуба зубчатых колёс). Зал захохотал, а громче всех сам Заблонский. Напряжённость была снята. Параллельно с преподавательской деятельностью Л.Б. работал заведующим группы технических расчётов СКБ-3. Он вместе с А.Мациевским разработал расчётные формуляры практически по всем размерным, кинематическим, прочностным и другим расчётам станков. Мы пользовались ими с первых дней работы и распространили их по всему Союзу. И что не менее интересно. Когда мы с двумя Лёнями Ноткиным и Гедмином, а также с Риммулей проходили в январе-феврале 1954 г. преддипломную практику на заводе им. Орджоникидзе в Москве (а как сейчас он называется? А «Красный Пролетарий»?), нашим руководителем был Борис Львович Коробочкин. Впоследствии – Лауреат, доктор наук и зав. гидроотделом ЭНИМС'а. Но и тогда он был видным специалистом по гидравлике станков, изобретателем двухкоординатной гидрокопировальной следящей системы. Узнав о том что мы – дипломанты ОПИ, он сказал: «О, с вами надо заниматься серьёзно, у вас ведь там Эрлих!»

Леонид Болеславович Богданович

Если Лазарь Борисович Эрлих заложил в нас основы электропривода станков, то Леонид Болеславович Богданович сделал то же, а может даже в большей степени, по гидроприводу станков. Особенностью его преподавания была практическая направленность. Вся гидроаппаратура, принципы построения гидросистем станков, регулирование. Мы отличались от выпускников других вузов более практическими знаниями и умением создавать конструкции с

применением гидроаппаратуры. И факт: политехники Одессы создали гидравлические машины на заводах станко- и прессостроения Одессы, Азова, Воронежа и других городов. А Марик Розенфельд – в Челябинске. Уже после нашего выпуска Богданович обобщил свои лекции и лабораторные работы, создав учебник по гидрооборудованию станков. Он читал нам также основной курс расчёта и конструирования станков. Его конспект у меня хранился до самого отъезда в Америку. Я пользовался им при подготовке в аспирантуру ЭНИМС'а.

Нельзя не сказать и о таком «феномене», как **Волощенко, Алексей Петрович**.

В наше время – доцент, а затем – профессор, зав каф. Он читал нам курс «Технология машиностроения». На 4-м курсе. Обычно мы готовились к экзаменам пару дней каждый в отдельности, а один-два последних дня вместе для обмена и взаимоконтроля. Вместе – это Фима, Генрих и я. Часто к нам присоединялись Лёня Гедмин, Марик Розенфельд. Кто-нибудь ещё. В основном, чтобы была компания для игры в бб. Это была разрядка, часто переходившая в основное времяпрепровождение. При подготовке к Техмашу мы решили сразу готовиться вместе, ибо курс описательный, а мы к тому времени имели за плечами две практики на 3-де им. Кирова и на Радиалке и считали себя знатоками технологии. Рассчитывали и на Марика, который закончил с отличием Станкостроительный техникум и был без преувеличения уже готовым инженером. Так вот, когда мы собрались, как обычно, у Генриха, т.к. только у него была 40-метровая 2-х комнатная квартира, мы обнаружили в каждом из конспектов лишь выдающиеся цитаты А.П. Волощенко.

Типа:

«Наилучшим примером фрезерования является обработка паровозных дышел на Ворошиловградском паровозостроительном заводе, где в 1925 году я работал главным инженером».

«Товарищ Иванова, когда вас ещё на свете не было, я уже был главным инженером Ворошиловградского паровозостроительного завода.»

«Ни одна страна в мире, вместе взятая».

«Кардинальным решением этого вопроса является обработка паровозных дышел на Ворошиловградском паровозостроительном заводе, где в 1925 году я работал главным инженером».

«Они могут быть, но в большинстве случаев они есть».

«Питтинг широко применяется в метро. Пока идёт борьба».

«Пустотелое отверстие».

Имея такие конспекты, мы решили с первого дня подготовки усовершенствовать своё мастерство в игре шестьдесят шесть. И во всеоружии явились на экзамен по техмашу.

О Василии Николаевиче Наголкине, преподавателе черчения.

Наше знакомство с ним началось с того, что В.Н. зачитал основные правила ГОСТов по черчению в стихах. Например:

Каждый техник должен знать,
Что нельзя вдоль разрезать:
Болтов, винтов и разных шпонок,
Штифтов, шплинтов и тонких стенок.

Высокий уровень стихосложения был залогом успешного усвоения этих правил, что подтверждается отличными отметками по черчению у 100% студентов МС-3.

Василий Николаевич был у нас куратором и проводил политинформации. На какой-то из них Глозман, на удивление, чего-то не знал. Наголкин сказал, чтобы в следующий раз такое не повторилось, иначе будет плохо. На следующей политинформации Глозман был, как обычно, на высоте. После своего выступления он спросил В.Н., всё ли теперь в порядке. И Василий Николаевич ответил фразой, ставшей классикой: Кто старое помянет, тому Глоз-ман!

22 января 1952 г.

После зимней сессии на 3-м курсе мы с Фимой и Мариком Розенфельдом отправились в Москву на каникулы. Если не считать кратковременного пребывания в столице нашей родины в 1947 году

в процессе реэвакуации из Уфы в Одессу, я был в Москве впервые и при том – самостоятельно. Однако не стремление весело провести каникулы привело нас в столицу. Дело в том, что не всё было безоблачно в наши институтские годы. И к этому моменту мы в числе других оказались переведенными из нашей конструкторской группы МС-3 в литейную МЛ-10. И прибыли в Москву искать справедливость, в которую всё ещё верили. А произошло вот что. После окончания 2-го курса в июне-июле 1951 г. все, проходившие обучение на военной кафедре, кроме офицеров-фронтовиков, были отправлены на сборы в военные лагеря под Николаев. После окончания института нам присваивали офицерские звания. Специальность у нас была танкисты-технари, и нас готовили на должности зам. командира танковой роты по технической части – зампотех. На этих первых сборах мы были в качестве рядовых и проходили курс молодого бойца. Обмундирование всё было БУ – многократно бывшее в употреблении. Как солдатам нам полагались не сапоги, а ботинки с обмотками. На голове – пилотка. Портянки, кружки и ложки мы обязаны были принести с собой из дому. Кальсоны, правда, были казённые. Хоть и было лето. Но солдатам положены кальсоны в любое время года. В общем видок у будущих офицеров был тот ещё. Но, несмотря на жару и пыль, постоянное чувство голода и жажды, смертельную усталость от непрерывных маршировок и выполнения ружейных приёмов «На пле-е-чо!», «К но-оги!», мы не унывали и бодро пели Ласточку-Касаточку, Москва-Пекин, Песню дружбы запеваёт молодёжь и другие. Благо почти все были хористы ОПИ. Танков мы и близко не видели. Там же родилось прозвище Алика (Олега) Щербакова – АЩ. А наш помкомвзвода младший сержант Майстренко был уверен, что Ащ – это настоящая фамилия. Однажды он по списку делал переключку. Пройдя букву А, Анельчика и других, и перейдя к Б, он с удивлением спросил: «А де ж Ащ?»

Не могу избежать небольшого лирического отступления. Вспоминаются Алькины номера. Он самобытен и неповторим. Так, после 9-го класса он за лето переписал от руки всё «Былое и думы» Герцена, которое я не сумел даже прочитать до конца. Он был не в ладах с русским письменным и хотел подтянуться в предвидении экзаменов на аттестат зрелости и в институт. Уже в институте, будучи круглым отличником, АЩ не раз показывал чудеса. На 3-м курсе надо было выполнить проект по деталям машин. Весьма серьёзный, с расчётом и конструированием червячного либо зубчатого редуктора. Наряду с общими видами и сборочными чертежами, требовалась детализировка, в том числе, корпусных деталей. С бумагой – ватманом, как и со многим другим, в стране была напряжённость. В институте нам продавали ограниченное количество листов. Правда, по 50 копеек за лист. Защита проекта проходила на кафедре и сопровождалась многочисленными вопросами, в т.ч., каверзными. Большинство из нас посещало консультации и защиту других студентов, чтобы быть в курсе дела. АЩ ничего не посещал и ни у кого ничего не спрашивал. Мы с Лёней Ноткиным уже защитились. Осталось буквально несколько дней до срока, но Алька не появлялся ни в институте, ни у нас. И мы пошли к нему узнать, в чём дело. Как у многих, у него на столе была современная по тем временам «чертёжная машина», т.е., доска формата А1 с рейсшиной на роликах и леске. Плюс угольники 45° и 30x60°. Он понял наш приход без объяснений и с порога сказал: «Заканчиваю детализировку корпусов и завтра иду на защиту». Мы обрадовались, не будем ему мешать и хотели уйти. А он говорит с таким апломбом: «Пришли, так посмотрите на мою работу». Ну точно, с какой-то гордостью в голосе. Давай посмотрим, решили мы с Ленкой. Зашли в комнату и остолбенели: Алька вычертил на одном чертеже формата А1 в изометрии сразу корпус и крышку редуктора. Одна деталь над другой и со всеми размерами. Красиво! Труд затрачен титанический, но – коту под хвост. Ведь требуются прямоугольные проекции, а не изометрия. Алька хотел показать класс, а сел в лужу. Ну, мы на него набросились, почему не ходил на консультации и на защиты. Давай мы сядем и втроём быстро начертим прямоугольные проекции. Ни за что. Он сам всё сделает за ночь. Слава богу, есть ещё один лист ватмана. Попросил только зайти утром и посмотреть, всё ли правильно. Наутро мы были шокированы вторично. Да, он за ночь начертил прямоугольные проекции, но снова обеих деталей вместе на одном чертеже. А ватмана больше нет! Да и время уже закончилось. Тогда мы тут же все вместе пошли в институт на кафедру деталей машин и упростили А.С.Радчика дать ему

возможность защититься сегодня, а отдельные чертежи корпуса о крышки он принесёт через неделю. Радчик – человек! Согласился. К тому же ему понравились Алькины чертежи в изометрии, и он посмеялся с нами вместе над всей историей.

Возвращаюсь к лагерным сборам после 2-го курса. С нами был и фронтовик Ян Штернберг. Оказывается на фронте он был старшиной, но вскоре после войны избил офицера за то, что тот назвал его «жид». Яна посадили на губу и разжаловали в рядовые. Яну вся наша военная наука была была д.с., но она была обязательна для всех неофицеров. Характер Яна толкал его всё время на конфликты. Он и в институте оспаривал военных преподавателей, подавлял их знанием уставов. И он действительно хорошо знал военное дело, тактику, устройство винтовки, автоматов и т.п. Кстати, мы тогда изучали винтовку 1891/30 г. Она всё ещё была на вооружении самой передовой армии мира. В лагерях Ян заедался с сержантами, которые не нюхали пороха войны. А потом у него возник конфликт с лейтенантом Кузнецовым, который был с нами на сборах от нашей военной кафедры. Не помню, что именно между ними произошло, но Ян и здесь попал на губу. Да, когда Яна стали в чём-то обвинять, он заявил: «Вы что, хотите новое дело Бейлиса раздуть?» А по возвращении в институт возникло «дело Штернберга». Его исключили из комсомола и из института. Мы же, кто на собрании выступал в его оправдание, т.к. он был отличный студент, спортсмен-штангист и хороший товарищ, были переведены в другие группы. Предлог придумали – улучшение организации учебного процесса. Таким образом, я, Фима, Эдик, Марик и другие оказались в МЛ-10, Лёня Ноткин в МТ-25 и т.д.

И вот наивные, преданные советской родине и лично товарищу Сталину комсомольцы из Одесского Политеха прибыли в столицу искать справедливости против местных перегибщиков. Кто знал, что в это самое время уже расправлялись с членами Еврейского Антифашистского комитета? Что вскоре все евреи будут подозреваться в связях с придуманной шпионской организацией Джойнт. Что готовится массовая депортация евреев в район Биробиджана. Мы записались на приём к начальнику главка Политехнических вузов Министерства высшего образования СССР на улице Жданова (а как она теперь называется?). Начальник, конечно и не подумал нас принять, но всё же принял его заместитель. Мы считали большой своей победой, когда посмотрев наши зачётки, где за 5 сессий у каждого были одни «отлично», зам. большого начальника сказал: «Езжайте домой, а мы разберёмся». Но, главным нашим козырём были не зачётки, а тот факт, что все мы были приняты в институт ВНЕ КОНКУРСА: я, как золотой медалист, Марик – выпускник техникума, пятипроцентник, Фима – участник войны, и это давало нам право выбора, которое было попрано. Следовательно имело место нарушение Советских Законов. Принимавший нас начальник приказал секретарше соединить его с Крайним и имел с ним "начальственный" разговор, типа "что вы там у себя в Одессе позволяете". Мы были на подъёме и отпраздновали эту победу, как истинные интеллигенты. Пошли в Большой театр впервые в жизни и слушали «Князь Игорь» с Михайловым-Кончаком и Пироговым-Князем Игорем. Но в поезде по дороге в Одессу мы засомневались в своей победе, не рано ли радуемся, ведь скорее всего разобраться могли и не в нашу пользу. Но зато мы послушали «Князя Игоря». А также везли в Одессу дефицитное сливочное масло в бидончиках из под молока, которые мамы предусмотрительно дали нам с собой: переведут ли вас обратно в МС-3 или нет, а масло всегда нужно. И, просто невероятно, прийдя после каникул в институт, мы обнаружили приказ с перечислением нового состава групп 3-го курса мехфака, где все ссыльные вернулись в свои группы. Эдик Птичкин по своей воле остался и закончил институт литейщиком.

А вот, что прислал мне Фима.

Миша!

Я занялся расчисткой многотонных бумажных завалов - отбираю минимум, который необходимо взять с собой (они готовились к отъезду в Германию). Остальное будет предано огню. Среди бумаг обнаружил два письма из газеты "Комсомольская правда", куда мы обращались по поводу нашего перевода в МЛ. Поскольку ты эту эпопею подробно описал, то хочу передать тебе содержание

этих писем - возможно, ты считаешь целесообразным кое-что оттуда взять и дополнить описание.

Письмо первое №40933 от 17.11.51:

Уважаемые товарищи! Мы обратились в Министерство Высшего образования СССР с просьбой разобраться в ваших претензиях к вузу. Об ответе Министерства сообщим вам дополнительно. С приветом...

Письмо второе №40933 от 14.1.52:

Уважаемые товарищи! Главное управление политехнических вузов сообщило нам, что дирекция Одесского политехнического института перевела студентов механического факультета тт. Глозман Е.Л., Розенфельд М.Е., и Тальянker М.Я. со специальности "Металлорежущие станки и инструменты" на специальность "машины и технология литейного производства" в результате значительного отсева студентов набора 1949 г. и необходимости приведения фактического контингента студентов по специальностям к плановым заданиям. Главное управление политехнических вузов считает действия дирекции Одесского политехнического института правильными. Оба письма подписал зав. отделом студенческой молодежи Коротков, при чём второе - без "С приветом".

По этому же поводу нашёл черканый-перечерканный черновик стихов из тех, что мы писали на лекциях. Вот он:

Мы отпуск в Москве хорошо проводили.
 В театрах бывали, в музеи ходили.
 Катались в метро, в автомате рубали,
 Но главного дела мы не забывали.
 Отчётливо помнится день тот ненастный,
 Маруха стоит перед нами - весь красный,
 Он был уже в главке, ему там сказали,
 Что, дескать, нас зря в институт принимали.
 Потом мы, конечно, над этим смеялись,
 Но в этот момент хорошо испугались.
 Затем у начглавка и мы побывали,
 Ему обстоятельно всё описали.
 Особых надежд мы, отнюдь, не питали,
 В Одессу вернувшись, мы, к счастью, узнали,
 Что наше начальство зубами скрипело,
 Однако обратно вернуть нас велело.

Сентябрь 1952 г.

Мы на 4-м курсе. Повторяется история подобная делу Яна Штернберга. Героем на этот раз, в, так сказать, мирное время, становится Осик Коган из группы МТ-24. Он был нашим приятелем. Подшучивая, мы любили цитировать «Думу про Опанаса» Багрицкого: «Так пускай, и я погибну у Попова Лога той же славной кончиной, что Иосиф Коган». И накликали. Мы все на скучных лекциях играли в балду. Но поймали именно его. И стали исключать из комсомола и из института. Причём, в балду играют как минимум двое. Кто был другой или другие – не помню, т.к. им только вклеили по выговору. А Оське пришили целое дело. Хоть было непросто его в чём-то упрекнуть, т.к. он был круглым отличником и большим общественником. Так нашли, что он имеет уже выговор за непосещение занятий, о котором он и не знал. Оказывается выговор был состряпан задним числом и за непосещение немецкого. А на 4-м курсе немецкий посещался факультативно, т.е., необязательно. Главным было сдать перевод текстов в столько-то тысяч слов, что Оська сделал давным-давно. И потому вообще не должен был посещать немецкий. Налицо фальшивка. Но этого мало. Ему пришили чуть ли не антисоветскую пропаганду. Одной из его общественных нагрузок было проведение в своей группе политинформаций. Так вот его обвинили в том, что на

этих информациях он клеветает на советскую действительность, подыгрывая нашим врагам. Он заявлял, так ему инкриминировали, что ГДР – это географическая фикция. Что Советский Союз экономически зависим от Аргентины. В действительности же всё было иначе. Он приводил выдержки из наших газет, которые цитировали зарубежную прессу как показатель клеветы. Он и объяснял своим слушателям точно по нашей прессе. Но начальство, институтское и комсомольское было глухо к истине. У них были свои задачи. В разгаре была кампания против убийц в белых халатах. И очередное антисемитство было в струю. И снова, как и с Яном Штернбергом, было комсомольское собрание. И снова засранцы Тальянker, Глозман и иже с ними пошли против руководящей воли, выступая за Оську. Вернее, против исключения из комсомола, понимая, что оно – прямой шаг к исключению из института. Ничего не помогло. Его выгнали отовсюду. Но что удивительно – засранцы не пострадали! Но, в отличие от дела Штернберга, когда ни один студент не выступил против него, против Оськи выступило несколько наших сокурсников. Особенно старались гады из его группы МТ-24, которым он неоднократно давал списывать домашние задания. К сожалению, в эту травлю включились наши Боря Тринчук и Глеб Добринский. Они были секретарями комсомольских бюро курса и факультета и выполняли партийное задание. В дальнейшем, будучи директорами крупных заводов и объединений, членами бюро обкома и горкома, они не раз сами подвергались нападкам и неприятностям за большой процент еврейства на их предприятиях.

10 февраля 1953 г.

В этот день мы с Лёней Ноткиным и Аликом Щербаковым шли на традиционную встречу с 10-классниками нашей школы. Она теперь была в новом помещении на Комсомольской (б. Старо-Портофранковской) и носила №122, а заканчивали мы школу №50 на Конной (в те времена Артёма) угол Островидова (б. Новосельской). Но т.к. все учителя и, в первую очередь, наша классная руководительница Дарья Павловна, перешли в 122-ю, то мы на такие встречи ходили туда.

Небольшое отступление

Дарья Павловна – наша классная – действительно Классная! – руководительница преподавала математику. Исключительно квалифицированный и справедливый педагог. Могу точно утверждать, что наши золотые медали – её заслуга. А в нашем классе учился Толя Белокуров – единственный среди нас участник войны, сосед по двору Лёничка Ноткина, мы звали его просто Солдат. Самым сильным ругательством и оскорблением в его устах было слово «Подхалим». Навсегда врезалась в память его фраза: «Вот эта Дарья подхалимка, двойку мне поставила!»

Продолжаю рассказ.

Когда мы отмечали годовщины окончания школы, то ходили посидеть в свой класс за партами в 50-ю. (А потом – в ресторан. Последний раз – в 1989 г., на 40-летие мы были на Морвокзале: Толик Крисолов, Абка Райцен, Марик Каплан). За час до начала мы собрались у Аща (после военных лагерей на 2-м курсе с лёгкой руки Эдика Птичкина это прозвище закрепилось за Аликом как аббревиатура его инициалов А. Щ.). С нами, как всегда, была наша подруга и Лёшкина невеста Катюша Украинцева. Ребята стали настаивать, чтобы перед 10-классниками от имени нас всех выступал я. А о чём же говорить? Я не знал и потребовал, чтобы они придумали идею. Ведь как-то надо было ещё и сагитировать ребят в наш институт. Не знаю, правда, зачем, но такова была традиция. АЩ сказал, что ничего нет проще. Ведь мы были уже на 4-м курсе и после 2-х практик. Почти инженеры. «Ты, - говорит он, - расскажи им, как это здорово, когда резец снимает стружку». Я припомнил себя в 10-м классе и возразил, что они не знают, что такое резец. Ну, АЩ тут с апломбом сказал, что даже его сосед 10-летний Женька и то знает, что такое резец. «Зови Женьку», - разозлился я. Приходит Женька. АЩ говорит: «Помнишь, Женя, мы с тобой на Новом базаре заходили в мастерскую?» «Помню», - отвечает пацан. «Помнишь, там рабочий на токарном станке вытачивал деталь?» «Помню». «А помнишь, как называется инструмент, которым он вытачивал?» «Конечно помню – рубильник!» После того, как мы отсмеялись, я говорю: «Вот Катюша с нами с 1-го курса, с Лёньюкой – каждый день, студентка 3-го курса университета, но я

уверен, и она не знает, что такое резец». А Катюша с обидой в голосе: «Ничего подобного, я это знала ещё до знакомства с вами». «Так скажи!» - в один голос воскликнули мы трое. Она с гордостью провозгласила: «Это что-то в автомобиле!»

Май 1954 г. Распределение назначений.

Распределение тогда происходило совсем не так, как в более поздние времена, когда институт заканчивал мой Сашка. Места были вывешены на короткое время на деканатской доске объявлений. Мест на предприятия Одессы в официальном списке не было. А если б и были таковые, то нам они не светили. Нам – это Глозману, Розенфельду, Тальянкеру, Ноткину и им подобным неарийцам. А в Одессе, понятное дело хотели остаться все одесситы. Большинство из нас были единственными детьми уже немолодых и нездоровых родителей, которых страшно было оставлять без сыновнего присмотра. Но кто в Стране Советов с этим считался? Куда Родина (или партия) пойдёт..! Не светили нам и места типа Николаев, Херсон. Можно было загудеть в Норильск, Хабаровск, Магадан (почти, что Сочи. Солнце греет, но не очень). И мы с Мариком, увидев 2 позиции на Челябинский Кировский завод, решили, что это самое меньшее из всех возможных зол. Тем более, что, как оказалось, на этом заводе работает Наум Френк, выпускник нашего станкостроительного техникума 1934 года. Он с тех пор там. И даже родственник Марика. На предварительном распределении на кафедре без возражений нам дали Челябинск. И вот наступил день распределения. Это было, примерно, за 2 месяца до защиты дипломного проекта. Распределялся весь курс, и МС, и МТ, и МЛ - вместе. Т.к. перечисленные выше неарийцы были в числе лучших студентов и в принципе должны были бы приглашаться первыми для выбора из большего числа мест, а этого нельзя было допустить, то наряду с волнением, мы испытывали острое любопытство. Как начальство выйдет из положения? А очень просто. Они заявили, т.к. курс большой (с тремя отделениями и пятью группами - серьёзная причина!), то приглашать на комиссию будут в алфавитном порядке. Что всех опасных претендентов заранее отбрасывало назад. За исключением Глозмана. Когда наступила очередь Марика, он вошёл и сказал: «Мы с Тальянкером едем в Челябинск согласно предварительному распределению на кафедре, поэтому пригласите, пожалуйста, его тоже». А ему в ответ: «Какое там ещё предварительное распределение? Распределение здесь и нигде больше. А Челябинск уже записан другим». «Как другим, - говорит Марик. - Мы точно знаем, что на всём курсе, кроме нас, не было претендентов на Челябинск. Позовите Тальянкера». Они посоветовались и говорят: «Всё равно ему тоже надо сказать, что Челябинск отпадает, так что пусть войдёт». Когда Марик вышел и сказал: «Вызывают Тальянкера», - все, и я в том числе, остолбенели. «Давай, давай, - продолжал он, - пошевеливайся». Я был на седьмом небе. Подхожу к столу комиссии, а было это действие в актовом зале, где мы пели в хоре, и готовлюсь подписывать, полагая, что всё в порядке. И секретарь с такой милой улыбочкой подаёт ручку. А Марик стоит красный, как он умеет, и говорит: «Смотри, что ты хочешь подписать». Смотрю и глазам не верю. Против моей и Марика фамилий стоит то ли Лысьва, то ли Потьма. То ли ещё какая Тмутаракань. Я говорю: «Постойте, товарищи. Для чего вывешивали места назначения с предложениями выбирать и подавать заявления?» Они отвечают: «А всех нельзя удовлетворить, много претендентов на одно место». «Позвольте, - говорю, на эти 2 места в Челябинск было ровно 2 претендента: я и Розенфельд. Кафедра станков, куда отдали Челябинск, нас утвердила. Кто же теперь попадает в Челябинск, так сказать, с чёрного хода?» «А это, - говорят, - уже не ваша забота. Подписывайте и точка». «А я, - говорю, - хочу всё же знать, если нельзя узнать, кто нас обошел, то скажите, каким принципом вы руководствовались». «Вы снова вмешиваетесь не в свои дела», - отвечают. Я говорю: «Интересно, решается моя судьба, и я вмешиваюсь не в своё дело». А сам чувствую, херово дело. А кто-то из них перешёл на мягкий тон, по-моему, Гуськов, парторг факультета и преподаватель не помню чего. «Ну, Миша, зачем же после 5-ти лет учёбы, когда мы (!) тебе дали всё, что могли, портить впечатление о себе. Ты же отличник, комсомолец. Ты подпиши. Для порядка. А потом будем думать, может, добьёмся для вас ещё парочку мест в Челябинск. Время-то ещё есть. До августа». «А как считает Розенфельд», - говорю и смотрю на него. А они не дают ему вымолвить словечка и говорят: «Он сказал, как

Тальянker, так и я». Я спрашиваю: «Да, Марик?» Он: «А что нам остаётся?» И тут нам повезло. Заходит, не помню кто, и шепчет что-то на ухо председателю. Потом мы узнали, что эти места ещё не были никому отданы, но кто-то сверху просил их придержать на всякий случай для какой-то семейной пары. И как раз только что пришёл ответ из Челябинска, что в данный момент они не могут принять семейных из-за отсутствия жилья. Только холостых и только в общежитие. И вот делается хорошая мина при плохой игре. Председатель подзывает Гуськова и что-то шепчет ему. Тот возвращается на своё место и говорит. «Товарищи, мы вот посоветовались с Н...Н...ычем (с председателем – не помню кто, но не Добровольский) и предлагаем следующее: всё-таки Марик и Миша – наши лучшие студенты, активисты. Давайте не будем откладывать до августа, а пойдём им навстречу, думаю, они заслужили. А другим претендентам надо будет (!) выбирать из оставшегося». И явно подмигивает членам комиссии. (Мол, Челябинск – тоже не бог весть, какое добро, не жалко). Так нас осчастливили. И, честно говоря, мы там были счастливы.

Челябинский Тракторный

28 августа 1954 года мы с Марином Розенфельдом пришли работать в КБ ОГМех ЧТЗ. Завод имел два официальных названия. Первое, довоенное, Челябинский тракторный завод имени Сталина. Второе, военное, когда в него влился эвакуированный Ленинградский Кировский (б. Путиловский) завод, - Челябинский Кировский. Первое название красовалось на воротах главной проходной. Второе фигурировало в официальных заводских и министерских документах. Министерство было Транспортного и тяжёлого машиностроения. Наш друг Коля Лебедь хохмил: Наш завод особенный. Он называется Челябинский тракторный Кировский завод имени Сталина. Завод выпускал серийно гусеничные тракторы С-80; тяжёлые танки ИС-3; дизельные двигатели к этим машинам; различный ширпотреб и запчасти к тракторам и двигателям. В КБ ОГМех, где начальником был Андрей Михайлович Лобачёв, было 2 группы. Одну возглавлял Василий Петрович Харченко, другую – Константин Иванович Тюрин. Оба прекрасно разбирались в станках, прессах, литейных машинах, печах и другом технологическом оборудовании.

На фото мы с Колей Лебедем на первомайской демонстрации 1955 года. Рядом с Колей слева - К.Тюрин.

Я попал в группу Харченко. У меня сразу же был новенький чертёжный прибор «Кинекс» чешского производства. Моим соседом оказался Коля Лебедь, остроумный красавец-брюнет. Мы с Марином сразу нашли в нём родственную душу. Он понимал и любил юмор. Как и мы, любил песни. Одновременно с нами в КБ пришла Лида Коваль из Запорожского института механизации и электрификации сельского хозяйства. Она и двое её сокурсниц Неля Николаева и Лена Левитская тоже получили назначение на ЧТЗ, но попали в тракторное КБ основного производства. С ними в общежитии ещё поселилась Лиля Затучная – химик из Харькова, тоже молодой специалист нашего 54-го года. Вскоре их 36-я комната стала центром наших праздничных, еженедельных, а потом почти ежедневных встреч. Кроме нас с Марином (в середине 55-го к нему приехала Шура, закончившая наш химфак; они поженились ещё в 54-м), туда приходили Толик Левин – москвич, металлург из института стали, Коля Лебедь с женой Леной, и было очень весело. Мы с Марином приобщили их всех к Ильфу и Петрову, к Бабелю. Мы ходили на каток, на лыжные прогулки, в театр. При нас открылся только что построенный оперный. Мы все любили и серьёзную музыку, и лёгкие жанры. Сами постоянно пели. В Челябинске мы слушали Ойстраха, Гилельса, Утёсова. Ходили в заводской клуб на молодёжные вечера и в кино. Это была дружная весёлая компания. Часто на воскресенье мы уезжали на природу в горы и леса, на озёра. Летом купались в Миасе. Зимой смотрели хоккей.

Наступил 1955 год.

Мы с Марином уже 5-й месяц в Челябинске. Живём в молодёжном Киргородке, в рабочем общежитии. Вообще-то нам полагается общежитие молодых специалистов, но пока там свободных мест нет. У нас комната на троих, но живём вдвоём. Обещали никого не подселить, а

как только освободятся места в общежитии молодых специалистов, перевести туда. Мы с ним, слава Богу, не курим. На каждом этаже есть кухня с электроплитой. Мы приспособились готовить, обзавелись кастрюлей и сковородкой. Чайники и графин – казённые. У нас есть картошка, лук, подсолнечное масло. Как правило, питаемся в столовых. Но, иногда шикую жареной картошкой дома. Завтракаем, т.е., чай с бутербродом, обычно дома. Челябинск поначалу приятно нас удивил значительно лучшим продуктовым снабжением, чем Одесса. Здесь было сливочное масло, которого в те годы в Одессе почти не бывало. Сыр, крупы, даже гречка, сахар. Хлеб белый и чёрный. Рай, да и только. Вскоре после приезда мы стали регулярно, раз в 3-4 месяца посылать домой продукты. Конечно, сливочное масло не пошлешь из-за долгой доставки, а сахар и крупы – пожалуйста. Но прошло некоторое время, и продуктовые посылки перестали принимать. Но мы нашли обходный манёвр. В 40 км от Челябинска расположен Копейск – место добычи Уральского угля. Там жили наши сокурсники из МТ и МЛ групп Женя Головченко с Тосей Голочаловой, Лара Рубановская, Софа Лившиц, Мила Фридман и, кажется, кто-то ещё. Мы время от времени общались, и они сообщили, что в Копейске ещё принимают продуктовые посылки. Мы с Мариком заранее заготавливали продукты и ящики. И также раз в 3-4 месяца ездили автобусом в Копейск, отправляли посылки и заодно встречались с однокашниками. В разгаре была хрущёвская эпопея с освоением целины, и газеты и радио уже кормили нас плодами будущих урожаев. Но несмотря на эти блага, вскоре и в Копейске прекратили отправку продуктовых посылок. И у нас с Мариком на окнах остались ящики с крупами и сахаром. Но огорчаться этому долго не пришлось, т.к. в результате мудрой политики партии и её заботы о благе народа и в Челябинске всё исчезло, крупы, сахар, сливочное масло. Так что наши нереализованные запасы пригодились нам самим. И когда они закончились было-таки плохо. Я не любил и никогда до этого не ел молока, сметаны и творога. Теперь в столовых осталась манная каша и так называемый творог со сметаной. Пришлось освоить. Но самым важным событием в моей жизни было освоение селёдки, которую я на дух не переносил. Как-то, зайдя после работы в магазин, где исчезли даже консервы типа «Кабачковая икра», и остался чёрный хлеб, напоминавший войну, мы горько переглянулись, взяли буханку этой глины и собрались уходить. Дома было постное масло и лук, накрошим хлеб и лук в масло и запьём чаем. Вдруг Марик просто расцвёл. Постой, вон там есть селёдка, сейчас купим. Я скривился: «Не буду». «Как хочешь, - сказал он, - а я буду». Дома, когда я уже расправился со своим луком и хлебом, а он с чувством-толком-расстановкой аппетитно и тщательно смаковал эту отраву, я ощутил, что абсолютно не наелся. Марик тут и говорит: «Ну хоть попробуй, не понравится – не будешь». И я сдался. И ем её по сей день с удовольствием.

Где-то в середине 55-го года нас перевели в общежитие молодых специалистов, но в разные комнаты.

На работу мы сначала ездили трамваем, потом стали ходить пешком. Зимой и летом. В трамваях тогда ещё были кондуктора. И мы уже знали всех молоденьких кондуктрисс, а они – нас. Как-то Марик заболел. И я ехал на работу один. Когда я зашёл в вагон, наша знакомая кондуктрисса спросила: «А где же Ваш брат?» Я: «А откуда Вы знаете, что он мой брат?» Она: «Как же, у вас – одно лицо!» Я – невысокого роста, худой, шатен (тогда), с тонким кривым носом и тонкими губами (и сейчас). Он – значительно выше и крупнее, жгучий брюнет, с прямым крупным носом и

полными губами. Но что-то, видимо, родственное было. Наверно, нам так же китайцы кажутся на одно лицо. Смотрю на эту фотографию, где мы одного цвета, и вижу: да, что-то есть общее. (ФОТО) Кстати, он тогда болел ангиной. И когда я, хронический ангинник, сказал, что у меня – это частое явление, Марик ответил: «Да, но у меня – фолликулярная ангина». Так что и в этом вопросе он был выше меня.

В начале 56-го года у нас в гостях проездом в Усть-Каменогорск побывал Ося Коган. Он ехал туда по назначению после окончания Технологического института (б. Мукомольного). После исключения из ОПИ Осик пережил многое. Он с трудом поступил в Гидротехнический. (б. Строительный), где должен был за кратчайший срок досдать кучу

предметов (как всегда – на отлично). И его, ушедшего с 4-го курса Политеха, приняли на 3-й. Но бляди из партийных кругов ОПИ достали его и там. И его исключили и из Гидротехнического. Пытался он попасть в Каховский филиал, но безуспешно. Он был вынужден пойти на ЗОР токарем. Затем, после 2-х лет работы, добился в ЦК ВЛКСМ восстановления в комсомоле и поступил в Технологический, который к этому времени стал им. Ломоносова. Так что, занимаясь с нами в ОПИ, он затем на полтора года позже нас окончил институт и не ОПИ. Дипломный проект он защищал на немецком. И вообще, всесторонне одарённый, большой любитель серьёзной музыки, с хорошим слухом. Как и мы с Мариком, бывший участник хора ОПИ им. Татьяны Кагель. Наш обедневший на продукты Челябинск после Одессы показался Осипу раем. Он закупал все продукты. Особенно был рад, просто счастлив, когда купил кило конфет «Кавказ». На наш взгляд просто несъедобных.

- Я люблю сладкое, заявил он.

- Да, но зачем же несъедобный «Кавказ», причём целый килограмм?

- Я люблю много.

Поработав какое-то время инженером, потом главным инженером на Усть-Каменогорском элеваторе, Ося перешёл преподавать в институт. Здесь его незаурядные способности проявились, он стал заниматься научной деятельностью в новой области – пневмонике. Эта область подобна электронике, но приборы работают не на слабых токах, а на «слабых» воздушных потоках. Т.е., слабые изменения давления с помощью пневмонической аппаратуры управляют аппаратурой высокого давления, либо решают логические задачи в информационных системах. Ося защитил кандидатскую, примерно в одно время со мною. Потом переехал в Свердловск, где по конкурсу стал доцентом Уральского Политеха.

7 ноября 1956 года к нам на ЧТЗ в командировку приехал Фима Смотрич, ведущий конструктор Одесского з-да радиальных станков - Радиалки. Он был знаком с Мариком по техникуму и остановился у него. Марик и Шура, как семейные, при том оба - работники завода, к этому времени получили комнату в коммуналке. Понятное дело, вечером мы собрались у Марики. Затаив дыхание, слушали «за Одессу». Смотрич рассказывал, какая у него интересная работа и, проходя, заметил, что Одесса соскучилась по нас. А я уже созрел. Несмотря на то, что недавно нас с Мариком повысили в должности. Мы стали уже не просто конструкторы, а старшие конструкторы. За 2 года у нас за плечами был неслабый опыт. Я, в частности, спроектировал автомат для гибки кроватных крючков, станок для профилирования латунной проволоки для топливных фильтров, станок для сборки масляных радиаторов. Вдвоём с Мариком по заданию нашего министерства мы спроектировали универсально-фрезерный станок. Модернизировали много действующих станков. Практически все проекты тут же воплощались в металле, а мы активно участвовали на всех стадиях их изготовления и отладки. Наш отдел главного механика имел в своём распоряжении прекрасную производственную базу. Огромный ремонтно-механический, электроремонтный и даже ремонтно-литейный цехи. Помимо своей повседневной плановой работы, мы по выходным и праздникам (добровольно, за двойную оплату) эскизировали все находящиеся в ремонте станки, прессы и т.п. оборудование. Так что опыт конструкторской работы был активным и ускоренным. И зарплату нам повысили от стандартных 880 до 1100 рублей. Что тогда было неплохо. Но, побывав год назад в отпуске, я увидел, каково моим маме и папе одним, а также то, что многие сокурсники либо не уезжали вовсе, либо уже вернулись. На прессах работали Боря Тринчук, Дима Анельчик, Толя Вулихман, Марик Менакер, в СКБ-3 Майка Малкина и Риммка Иванова, на Радиалке Витя Жаров, Витя Скалацкий, Фима Глозман. Я понял, что пора домой. Мы обсудили это со Смотричем, и он убеждённо заявил: «Приезжай, устроим». Марик и Шура не собирались. У них уже был свой угол здесь. Шура уже заведовала химлабораторией в ЦЗЛ ЧТЗ. Они решили строить своё будущее в Челябинске. А я вскоре подал заявление об увольнении по собственному желанию. Через месяц меня вызвал пом. директора по кадрам и спросил, почему хочу уйти, ведь не прошло ещё полных 3 года, положенных молодым специалистам. Я объяснил, как есть. Что я единственный сын пожилых и нездоровых родителей, что здесь я для ЧТЗ – в

ближайшем будущем создам квартирную проблему, а там у меня есть, где жить. И, наконец, поскольку я твёрдо решил, то через полгода всё равно уйду. Так не лучше ли им уже подыскать замену. И он подписал. Это было 24 декабря 1956 года. Я должен был месяц отработать. И 22-го января 1957 года, посмотрев «Карнавальную ночь», я уволился с ЧТЗ. А 27-го уехал домой, в Одессу.

А Марик остался там на всю жизнь и стал начальником того самого нашего КБ ОГМех.

Михаил Тальянker